

УДК 821.161.1.09-1

**ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КОСМОГЕНИЧЕСКОГО МИФА
В СБОРНИКЕ Н. С. ГУМИЛЕВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»**

С. В. Пушкарева

Московский институт лингвистики
кафедра общегуманитарных и социальных дисциплин

В сборнике Н. С. Гумилева «Огненный столп» феномен памяти предстает как элемент космогонического мифа. Онтологический смысл памяти связан с актуальной для поэта Серебряного века проблемой духовного пути, мыслимого как преображение, о чем свидетельствует мифопоэтическая специфика поздней лирики поэта.

Ключевые слова: *память, миф, символический образ, духовный путь, поэзия, сакральность.*

Пытаясь осмыслить перелом в собственной судьбе, тесно связанной со «всеобщей судьбой эпохи» [4, с. 15], Гумилев обращается к архетипическим, надвременным началам национального бытия. Например, к мотиву родовой памяти, который просматривался поэтом в нескольких философско-мифологических теориях одновременно: в индийском учении о перерождении, идее Платона о прародине души, а также в ницшеанской концепции вечного возвращения, христианских представлениях об «эоническом» времени и теории архетипов Юнга.

Эти художественно-философские интенции продолжает последняя поэтическая книга Николая Гумилева «Огненный столп» [9, с. 93]. Стихотворения «Огненного столпа» пронизаны ощущением *мистического* развития событий. Лирический герой пытается осмыслить, преодолеть или сродниться со *стихийностью* с помощью шестого чувства найти что-то свое и в таинственном лесу, и в душе грозного леопарда, сделать «чужие звезды» своими, поскольку мир есть «Луч от Лика Друга» – Бога – Творца. «Внешнему маршруту путешествий лирического героя поэзии Гумилева соответствует маршрут внутренний, духовный, причем путешествие понимается как *возвращение* в утраченную или забытую священную реальность» [14, с. 34] – утверждает Е. Ю. Раскина. С. Л. Слободнюк пишет о том, что в лирике Гумилева последних лет отмечается присутствие Абсолюта как того центра, к которому стремится лирический герой, видя в нем духовную родину, слиться с которой его цель. Этот принцип цикличности и слияния с Абсолютом есть в буддийском учении о *Сансаре*. Эта душевная направленность лирического героя определила композиционную структуру и особенности символики стихотворения «Память», которое открывает последнюю поэтическую книгу Гумилева.

Осмыслением культуры как *памяти предков*, по определению Вяч. Иванова, в значительной мере обусловлено восприятие художниками Серебряного века традиции как «вечного возвращения и вечного становления»

[7, с. 130]. Стихотворение Н. Гумилева «Память» напрямую связано с идеей вечного возвращения. В нем дважды повторяется строка «Только змеи сбрасывают кожу...» [1, т. 4, с. 90], имеющая глубокий философский смысл. У многих народов распространен образ циклической концепции вечного вращения – *уроборос*, в виде змеи, кусающей свой хвост. Например, постоянно омолаживающаяся змея – одно из наиболее почитаемых животных в индуизме, где считается символом возобновления, возрождения, обновления жизни, а изображение образующего круг животного – метафора «круговорота времен», гибели мира и нового сотворения.

В начале XX века Вяч. Иванов писал о стремительном времени, похожем на бурную реку, в существе которого лежит некая перемена в самом образе мира. Иванов сравнивал человечество в этом состоянии с живой змеей, меняющей кожу, надеясь, однако, что из этого обновления вырастет новое чувство богоприсутствия, богоисполненности и всеоживления, которое создаст иное мировосприятие [5, с. 103]. Н. С. Гумилев в стихотворении «Память» грустно возразил Вячеславу Великолепному: «Только змеи сбрасывают кожи, // Чтоб душа старела и росла // Мы, увя, со змеями не схожи, // Мы меняем души, не тела» [1, т. 4, с. 90]. Только память, как мудрый всеведущий собеседник, способна собрать воедино духовный опыт «колдовского ребенка», «путешественника» и «воина» в единую судьбу поэта. Мир меняется настолько стремительно, что все они кажутся автору разными людьми. Память у Н. Гумилева погружает нас в мир мифологии, индийской философии, символов, и самых различных мистических идей, аккумулируя духовный опыт поэта.

В индийской мифологии змея правит миром во время сна бога Вишну. Бог Вишну покоится на мировой змее. А хранители земных сокровищ, добрые полубожественные наги, привратники храмов Вишну – люди со змеиным телом.

Символ змеи связан с лирическим героем «Памяти» ключевыми моментами: возрождением, обновлением героя, его духовным очищением. Души героя («мы меняем души...») связаны единым телом, значит, жизненная энергия («кундалини», в индуистской традиции) у них одна. Змея в стихотворении «Память» – это символ преображения.

В «Памяти» Н. С. Гумилев словно бы восстанавливает свой Духовный Путь в поэтическом и жизненном пространстве. Это вертикальное освоение пространства, устремление ввысь, к миру Духовному. Разнообразные духовные системы идут по этому Пути (теория сансары, священная лестница Иакова и др.), но сам Путь един, о чем свидетельствует, например, образ Вселенского Пути – Дао в китайской духовной традиции.

«Через начало и конец путь осуществляет свою установку на роль медиатора, он нейтрализует противопоставление этого и того, своего и чужого, близкого и далекого, сакрального и профанического», – пишет В. Н. Топоров [15, с. 260]. Мифологема непростого пути поэта просвечивает еще в «Волшебной скрипке»: «... не мечтай об этом счастье, // отравляющем мир» [1, т. 1, с. 151]. И далее, – возрастание энтропии по мере разворачивания пути – такова специфика пути героя в мифопоэтическом пространстве, пути-странствия и пути-подвига. «В этом типе пути сакральные ценности

обретаются не постепенным к ним приближением, но через предельное удаление от центра, зато вдруг, сразу, в борьбе со злом, обладающим избытком агрессивности» – отмечает В. Н. Топоров [15, с. 263]. Но мифопоэтическое сознание предпочитает этот путь риска, случая, драматизма. И мальчик, принимающий «Волшебную скрипку», может погибнуть, но «эти взоры – два луча [1, т. 1, с. 151]» – как нисходящие лучи символа, который в каждой точке пересечения со сферой сознания является знаменем, смысл которого раскрывается в мифе об Аполлоне [5, с. 143].

Волшебная скрипка Гумилева напоминает чудесную арфу скальда из одноименного стихотворения Тютчева [16, с. 66]. Тихо спит арфа в забытом углу старого замка, но стоит только прикоснуться к ее струнам, и свершается чудо, пространство оживает и преобразуется: бытие снова наполняется смыслом, как только просыпается душа певца.

С. Л. Слободнюк пишет о своеобразном осмыслении Гумилевым отдельных фрагментов теории о *Сансаре* – чувственных воплощениях, в которых душа может достигнуть освобождения. Память в *Сансаре* рассматривается как Знание. *Помнящему* о своих началах и рождениях удается избавиться от кармической зависимости, он становится хозяином своей судьбы. Боги, Будда, Кришна, йоги, мудрецы – все они из тех, «кто знает» [17, с. 85]. Поэтому лирический герой стремится «вспомнить себя», чтобы, пережив духовное очищение, возрождение, слиться с Абсолютом. Подобное восприятие памяти имеет место и в кельтской духовной традиции, столь значимой для Гумилева. «Благодаря подробному знанию истоков (*места рождения*), человеку удается противостоять смерти, и он оказывается способным безнаказанно обращаться с огнем» – пишет М. Элиаде [17, с. 92]. Данный аспект является концептуально важным для понимания символики названия последнего сборника Н. Гумилева «Огненный столп».

Именно «воспоминание себя», как духовный опыт практиковал Р. Штейнер со своими учениками, среди которых был Андрей Белый. Как следствие этого опыта им была создана уникальная карта «формирования своего мировосприятия», отражающая становление духовного «я» человека «высшей, многострунной культуры» Серебряного века [3, с. 311].

В стихотворении «Память» лирический герой, анализируя свое прошлое, представляет бытие своего «я» как интегральный знаменатель своих прежних существований. «Но смена культурно-психологических ипостасей личности происходит не в иных (прошлых) жизнях, как было ранее в сборнике «Костер», а в этой, проживаемой поэтом, жизни». Память, как способ самоосознания, «выступает залогом целостности личности» [9, с. 93].

Сначала «я» героя – это «колдовской ребенок, словом останавливавший дождь» [1, т. 4, с. 90]. В этом образе отражены подлинные факты биографии поэта: А. А. Гумилева пишет о странностях маленького Николая, который убежал из дома, жил в выкопанной пещере на берегу реки, дружил с деревьями и рыжей собакой и даже пытался «заговаривать дождь» [4, с. 103].

«Я» второго «героя», «носителя нового мира», совсем не нравится автору «Памяти». Лирический герой на временной дистанции не оправдывает позицию того, «...кто хотел стать богом и царем // и повесил вывеску поэта (то

есть маску – С. П.) // над дверьми в мой молчаливый дом» [1, т. 4, с. 90] – дом «колдовского ребенка» и будущего странника.

Это осознание означает духовное взросление лирического героя, движение к духовному возрождению, к будущему Новому Иерусалиму. Именно «странствие духа» [4, с. 19] позволило О. А. Клингу сравнить позднего Гумилева с Андреем Белым, для которого мысль о духовном пути имела исключительное значение. «Надежды мои связаны с духовным апокалипсическим пересозданием мира» [2, с. 203] – писал Андрей Белый.

Итак, лирический герой отказывается от того, кто говорил, что «коврик под... ногами – мир» [1, т. 4, с. 90], от «вывески поэта», то есть ярлыка-маски. Избранник свободы, мореплаватель и стрелок, которого Гумилев любит, совсем не таков. Недаром поэт четко отделяет эти маски лирического героя словами: «...звонко пели воды и завидовали облака». [1, т. 4, с. 90]. Таким образом, происходит вживание в стихию, в пространство, с которым герой чувствует связь, взаимность с миром и потому способен «как вино впитать воздух сладкий» [1, т. 4, с. 90] даже далекой, доселе «белому неведомой», и оттого чуждой страны.

Это «свойство воспринимающего сознания «Я» приспособляться к внешнему миру, – пишет В. Н. Топоров, – предполагает единство «Я» и мира, общий ритм того и другого как результат настраивания «Я» на ритм внешнего мира, или же, как следствие единства происхождения «Я» и мира» [15, с. 230].

В статье «О мифологическом коде сюжетных текстов» Ю. М. Лотман говорит о трансформации действующего лица, которая происходит при переводе мифологического текста в линейную плоскость и приводит к возникновению множественности персонажей, поскольку «изоморфные проявления одного объекта (героя) становятся множеством объектов» [11, с. 86]. Таким образом, в стихотворении предпринимается обратная попытка построения мифологического типа, каковое строится «не по принципу цепочки, как это типично для литературного текста, а «свивается, как кочан капусты» [11, с. 86]. Именно в момент совершения человеком духовного выбора происходит чудо второго рождения. Ш. Бодуэн, анализируя героический миф с юнгианских позиций, подчеркивал важность акта второго рождения и борьбы как его символа, а также мотива двойников-заместителей, выступающих как различные «я» лирического героя [12, с. 27].

К. Кедров в «Поэтическом космосе» пишет: «Рождение каждого человека – выворачивание единого небесного тела в отдельную точку на Земле. <...> Такие модели есть в художественном и психологическом опыте человека: сказки, мифы, Евангелие от Фомы, Низами, «Божественная комедия» Данте, «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого и многое другое» [8, с. 285–286]. Подобные метаморфозы происходят с лирическим героем гумилевского стихотворения «Память». Вот почему в рождении совмещаются Начало и Конец, сакральные точки мифопоэтического пространства, за рождением – вечность.

Все стихотворения сборника «Огненный столп» последовательно развивают идею бытия-Пути, характеризуя определенные состояния духа. Стихотворения указывают на поворотные события в жизненном и творческом пути поэта. «Странствие духа» помогает осмыслить происходящее с помощью

опыта символических образов сакрального плана, прочувствованных героем как «вдохновенный диалог мысли и тайны мира».

Список литературы

1. Гумилев, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / Н. С. Гумилев ; РАН ; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М. : Воскресение, 1998 – 2005. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы (1902 – 1910). – 1998. – 501 с. – Т. 4 : Стихотворения. Поэмы (1918 – 1921). – 2001. – 393 с.
2. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 480 с.
3. Белый, А. Сочинения [Текст] : в 2 т. / А. Белый. – М. : Худ. литература, 1990. – Т. 1 : Поэзия. Проза. – 703 с.
4. Гумилев, Н. С. Pro et contra [Текст] / Н. С. Гумилев. – СПб. : РХГИ, 1995. – 672с.
5. Иванов, Вяч. И. Родное и вселенское [Текст] / Вяч. И. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
6. Иванов, Вяч. И. Стихотворения [Текст] / Вяч. И. Иванов. – Л. : Сов. писатель, 1978. – 559 с.
7. Искржицкая, И. Ю. Культурологический аспект литературы русского символизма [Текст] / И. Ю. Искржицкая. – М. : Рос. университетское изд-во, 1997. – 224 с.
8. Кедров, К. А. Поэтический космос [Текст] / К. А. Кедров. – М. : Сов. писатель, 1989. – 478 с.
9. Кихней, Л. Г. «Чужая старинная быль...» Мифопоэтическое преломление национальной идеи в лирике позднего Гумилева [Текст] / Л. Г. Кихней // Гумилевские чтения. 2006 : мат. Международной научной конференции. 14–16 апреля 2006 г. – СПб. : СПбГУ, 2006. – С. 89–92.
10. Костиков, В. В. Веяние нового («нулевого») времени [Текст] / В. В. Костиков // Эниология. – Одесса. – 2003. – № 2. – С. 23–24.
11. Лотман, Ю. М. О мифологическом коде сюжетных текстов [Текст] / Ю. М. Лотман // Сб. статей по вторичным моделирующим системам ; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1973. – С. 86–90.
12. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
13. Мовчан, П. И. Носитель знания света – Зороастр [Текст] / П. И. Мовчан // Эниология. – Одесса, 2003. – № 2. – С. 55–60.
14. Раскина, Е. Ю. Пространство России в поэтической географии Н. С. Гумилева [Текст] / Е. Ю. Раскина // Русская литература. – 2001. – № 2. – С. 34–41.
15. Топоров, В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура ; сб. статей ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1983. – 302 с.
16. Тютчев, Ф. И. Стихотворения [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М. : Сов. Россия, 1986. – С. 66.
17. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. – М. : «Инвест. – ППП», 1996. – 240 с.
18. Юнг, К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. – СПб. : Вост. – Евр. инт. психоанализа, 1994. – 416 с.

**MEMORY AS PART OF THE COSMOGONIC MITH IN THE
COLLECTION OF N. S. GUMILEV «PILLAR OF FIRE»**

S. V. Pushkareva

Moscow institute of Linguistics
The department of humanities and social sciences

In the collection of N. S. Gumilev "Pillar of Fire," the phenomenon of memory is presented as part of the cosmogonic myth. Ontological meaning of memory associated with the current to the poet of the Silver Age issue of the spiritual path, conceived as the transformation of the soul. This is evidenced by the specificity mythopoetic late lyric poet.

Keywords: *memory, myth, symbolic image, the spiritual path, poetry, sacred.*

Об авторах:

ПУШКАРЕВА Светлана Викторовна – соискатель кафедры
общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института
лингвистики (129075, Москва, ул. Новомосковская, д. 15а), e-mail:
swetip@mail.ru